

Rocznik Sławistyczny, t. LXX, 2021

ISSN 0080-3588

DOI: 10.24425/rslaw.2021.138356

Светлана М. Толстая *

Институт славяноведения РАН
Москва

Очередные выпуски «Словаря народных стереотипов и символов»

Рец.: **Słownik stereotypów i symboli ludowych**, koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński, t. 2: **Rośliny** cz. 4: **Zioła**, Lublin 2019, 494 s.; cz. 5: **Drzewa owocowe i iglaste**, Lublin 2020, 299 s.; cz. 6: **Drzewa liściaste**, Lublin 2021, 430 s. – Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Близок к завершению второй том издаваемого в Люблине под ред. проф. Ежи Бартомиńskiego фундаментального *Словаря народных стереотипов и символов* (SSSL), посвященный ботанике (*Rośliny*)¹. Из семи запланированных книг этого тома издано шесть: 1. *Злаки* (*Zboża*, 2017); 2. *Овоцы, приправы, промышленные культуры* (*Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, 2018); 3. *Цветы* (*Kwiaty*, 2019); 4. *Травы* (*Zioła*, 2020); 5. *Плодовые и хвойные деревья* (*Drzewa owocowe i iglaste*, 2020); 6. *Лиственные деревья* (*Drzewa liściaste*, 2021); остается последний выпуск этого тома: 7. *Грибы, сорняки, заросли* (*Grzyby, chwasty, skupiska roślin*). Мы видим, что темпы издания заметно нарастают: если первый том *Космос*, состоящий из

* Svetlana M. Tolstaya, Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4531-0024>.

e-mail: smtolstaya@yandex.ru.

¹ О предыдущих выпусках словаря и лежащей в его основании концепции мне уже приходилось писать. См. (Толстая 1997, 1998, 2000, 2014, 2018, 2020).

четырёх книг, издавался больше 15 лет (1996–2012), то пять книг второго тома *Растения* вышли всего за 4 года (2017–2021). Это объясняется тем, что, во-первых, концепция, подход и структура словарных статей, опробованные и усовершенствованные при подготовке выпусков первого тома, обрели надёжность и устойчивость по мере их применения ко все новым эмпирическим сферам; во-вторых, составители словаря смогли опереться на специальные исследования членов авторского коллектива и их учеников, выполненные в тематических рамках словаря. Работа над этим масштабным и новаторским лексикологическим трудом началась несколько десятилетий тому назад. За прошедшие годы создана не только эмпирическая база словаря, учитывающая богатейшие опубликованные источники общего и частного характера, как лингвистические, так и этнографические и фольклорные, но и подготовлен коллектив исследователей с совершенно новой научной оптикой, владеющих этнолингвистическим «мировоззрением» и методикой этнолингвистической интерпретации материала. Более того, эта эмпирическая основа существенно пополнена собственными полевыми исследованиями членов авторского коллектива с участием студентов и магистрантов Люблинского университета.

В книге *Травы* (выпуск 4), помимо имеющихся публикаций по народной ботанике, используются материалы и наблюдения докторской диссертации Е. Пацлавской (Paćławska 2011), магистерских работ М. Стецкевич (Steckiewicz 1991), Б. Мыль (Myl 1999), А. Беляк (Bielak 2007). Всего в книгу включены 72 статьи, посвященные отдельным видам трав, среди которых мы находим как весьма популярные виды (*barwinek*, *boże drzewko*, *bylica*, *macierzanka*, *mak*, *mięta*, *pokrzywa*, *rozmaryn*, *ruta*, *tatarak* и др.), так и менее известные. Соответственно этому отдельные статьи занимают от двух до десяти и более страниц. Все описываемые в книге травянистые растения в народной традиции делятся на две разных в культурном отношении группы: *zioła* ‘травы лечебного и магического назначения’ и *ziele* ‘зелень’ вообще, т. е. вся зеленая растительность (трава, ветки, цветы, кусты, сорняки), символизирующая жизненные силы, молодость, рост, процветание. Второй термин в польском языке исторически представляет собой собирательный дериват первого (любопытно, что русский аналог польского собирательного термина *зелье* получил как раз узкое значение ‘лекарство’ или ‘отрава’). Зелень (*ziele*) обычно освящается в церкви и используется в качестве украшения и реквизита во многих календарных и семейных обрядах. В отличие от нее, травы (*zioła*), наделяемые лечебной и магической силой, используются в виде отваров, напитков, компрессов, ими окуривают, омывают больного, их прикладывают к больному месту, носят с собой, зашивают в одежду, зарывают в землю на поле и в огороде, оставляют в местах, подверженных воздействию злых сил.

Травы делятся на хорошие, полезные для человека, и злые, вредящие людям; малоценные, бесполезные для людей растения получают нередко «звериные» названия, например. *rumianek* и *psi rumianek*; *mięta* и *kocia* или *kobyła mięta*. Бывают травы мужские и женские (*żywokost babski* и *żywokost męski*), святые (*święte*) и опасные (*niedobre*, *niebezpieczne*), благовонные и зловонные (*rumianek wonny* и *rumianek śmierdzący*), лечебные (*gojące*, *rozprowadzające chorobę*) и ядовитые (*trujące*); есть травы, отвращающие зло (*chroniące przed złem*), и травы, приносящие добро (*przysparzające dobro*), и т.д. Лечебная и магическая сила трав зависит от того, когда (особенно ценятся растения, собранные перед Ивановым днем, в день Вознесения, в мае, перед восходом солнца), где (в огороде, на лугу, на меже, при дороге) и как их собирали (часто требуется произносить определенные приговоры, оставлять хлеб или деньги), когда их освящали (особенно действенны растения, освященные на Успение Богородицы, перед Ивановым днем, на праздник Трех королей и др.).

В магических целях использовали травы для защиты коров от ведьм: окуривали стадо освященными травами, прикрепляли венки на рога коров, давали скоту съесть зелень с венков, освященных на праздник Божье тело, поили отелившуюся корову настоем трав и т. п. Освященные травы держали в доме для защиты от нечистой силы и колдовства. Чтобы прекратить опасные приходы умерших, на похоронах вкладывали в гроб зерна мака, бросали на могилы травы и зеленые ветки. Для предотвращения бури и града вешали на домах у дверей и окон пучки трав или венки, а для вызывания дождя сыпали зерна мака и зелень репейника или полыни. В польских мифологических представлениях травы обнаруживают особую связь с культом Богородицы: ей приписывают происхождение некоторых особенно полезных растений, многие травы рекомендуется собирать и освящать в дни или накануне богородичных праздников. Опасные травы (*pokrzywa*, *lulek*, *przestęp* и др.) считаются порождением дьявола и орудием ведьм. По кашубским поверьям мак, произрастающий на поле среди хлебных колосьев, – это дети, превращенные демонами в растения за то, что они топтали посевы.

В народной медицине и магической практике придавалось значение естественным свойствам растений: листьями сердцевидной формы лечили болезни сердца, желтые цветы давали больным желтухой, травами с белым соком останавливали и лечили кровь, их использовали и для того, чтобы увеличить молочность коров; стелющимся по земле растениям приписывалась способность изгонять болезнь, лечить колтун; колючим и жгучим растениям – способность устрашать и отгонять болезни; травы с сильным запахом использовались для отгона червей и вредных насекомых и т.п.

Во вводной статье к этому выпуску (авторы Е. Бартминский и Е. Грицына) дается обзор наиболее распространенных обрядовых действий с травами и венками (прежде всего освященными). При первой пахоте

окропляли освященной водой с пучка травы или с венка волов или коня, а также пахаря или окуривали их подожженными травами; при начале сева добавляли в зерно частицы освященных трав или закапывали венки в первую засеянную борозду, чтобы защитить посевы от сглаза и порчи. С этой же целью окуривали скот при первом выгоне на пастбище. Большое значение придавалось травам и зелени в календарных (особенно в Зеленые Святки, Вербное воскресенье, Иванов день, Рождественский сочельник) и семейных обрядах (свадебном, родинном, погребальном), в которых зелень и травы служили прежде всего защитным средством. Эта статья служит обобщением и своего рода ключом к статьям о конкретных видах трав, поскольку многие свойства, которыми определяются их практическое и магическое применение, оказываются присущими не индивидуальным видам растений, а их группам, выделяемым по некоторому доминирующему признаку (цвету, запаху, форме, лечебному свойству, наличию шипов, жгучести, месту произрастания, времени цветения или сбора и др.). Эти признаки в большинстве случаев носят универсальный характер и определяют культурные образы трав не только в польской, но и других славянских (и многих неславянских) народных традициях, а также получают отражение в фитонимии (ср. Колосова 2009).

Как и в других выпусках, каждая статья завершается разделом «документация», в котором представлен материал разных жанров польского фольклора, иллюстрирующий символику зелени: пословиц, заговоров, колядных и других календарных песен, свадебных песен и припевок, любовных песен (в них тема зелени и трав особенно популярна и связана с символикой любви и брака), религиозных песен, легенд, сказок, народной прозы.

В приложении к книге представлен альбом тщательно подобранных красочных фотографий описываемых растений, выполненных в основном авторами статей или их коллегами.

Две следующие книги посвящены деревьям. В выпуске 5 (*Drzewa owocowe i iglaste*) в двух больших разделах рассматриваются плодовые и хвойные деревья. При всем их биологическом и культурном различии и те и другие (хотя и в разной степени) близки к человеку и его жизненным и культурным нуждам, в отличие от диких лиственных деревьев. Среди плодовых деревьев наибольшее значение в польской традиционной культуре имеют яблоня, груша, слива, вишня и черешня.

Обобщающая статья *Плодовое дерево* (*Drzewo owocowe*), написанная Катажиной Пророк, дает представление о свойствах и практическом использовании плодовых деревьев, из коих главным является их способность родить, давать плоды, что объединяет их с темой женской репродуктивности, цветения, красоты, любви, продолжения жизни, благополучия. Плодовые деревья включены в сферу человека и являются предметом его заботы: их

сажают, за ними ухаживают, их прививают, поливают, защищают от вредителей, укрывают от мороза, собирают и едят их плоды и т. д. Все практические действия по уходу за садовыми деревьями приобретали обрядовый характер и нередко сопровождались гаданиями, приметами, предписаниями и запретами, магическими приемами защитного и продуцирующего типа. Однако существуют и их дикие, полевые родственники, плоды которых ценятся низко. По древним народным представлениям плодовые деревья делятся на женские (плодоносящие) и мужские (неплодоносящие); последние не представляют ценности и их следовало уничтожить.

Ветки и плоды садовых деревьев служили реквизитом многих обрядовых действий: из них делали свадебную «розгу», ими украшали свадебный каравай, яблоки и груши вешали на рождественскую ёлку и т.п. Дерево считалось растительным двойником человека; под плодовое дерево после родов закапывают детское место; туда же выливают воду от купания младенца, чтобы ребенок рос так же, как дерево; ребенка надо было отлучать от груди во время цветения сада или в период созревания (покраснения) слив или вишен. Ср. (Агапкина 2019: 488–541, глава *Дерево и человек*). Соломе из-под скатерти на рождественском столе придавалась продуцирующая сила: ею обвязывали бездетную женщину, а затем ствол плодового дерева. Новокупленного коня, прежде чем ввести в конюшню, рекомендовалось привязать к плодovому дереву. Когда умирал хозяин, об этом сообщали деревьям в саду. На дерево отправляли болезни, вывешивая на нем одежду больного или выливая под дерево воду от купели больного ребенка; при лечении колтуна волосы надо было повесить на грушу и т. п.

С плодовыми деревьями связано немало гаданий – о жизни и смерти (например, смерть предвещало вторичное цветение дерева), о погоде (лопнувшая кора на дереве означала холодную зиму), урожае (срезанные ветки распускались или не распускались в воде к определенному сроку) и т. п. Яблоня является прототипическим плодовым деревом и часто заменяет собой любое дерево. В отличие от яблони, груша обнаруживает некоторые специфические свойства и черты. В частности, груша может считаться местом пребывания черта и вообще нечистой силы (ср. *Na gruszy diabeł najprędzej dobierze się do duszy*) или как место самоубийц; под грушу закапывают умерщвленного младенца; под грушей могут скрываться клады; на груше сидят птицы, например кукушка, которая кукует в особенно важные для невесты моменты, и т.п.

Садовые деревья и их плоды (прежде всего яблони и груши) очень часто фигурируют в фольклорных текстах, особенно в сказках и легендах.

В обобщающей статье *Хвойное дерево* (*Drzewo iglaste*), написанной также Катажиной Пророк, отмечается, что определяющим признаком для наивного образа хвойного дерева служит его неизменный зеленый цвет, что делает его символом молодости и жизненной силы (это особенно выражено

в рождественском деревце). Отдельные статьи этого небольшого по объему раздела посвящены сосне (*sosna*), ели (*świerk*), пихте (*jodla*) и лиственнице (*modrzew*). Культурный образ хвойных деревьев значительно беднее и однообразнее, чем образ плодовых деревьев, и это объясняется их значительно меньшей связью с человеком. В обрядовой практике хвойные деревья и их ветки используются в основном как украшение домов, костелов, часовен и как обрядовый реквизит (например, при изготовлении деревцев «гаика» или «мая»). Сравнительно ограничено и их магическое применение – они могут служить защитой людей и скота от злых сил, болезней, стихийных бедствий. То же можно сказать об их лечебных и прогностических функциях и даже об их использовании в фольклорных текстах. В польской народной культуре слабо выражены и некоторые другие мотивы, связанные с хвойными деревьями, характерные для других славянских традиций: их культовая роль, их свойство организовывать пространство, их связь с похоронно-поминальной обрядностью, их гендерная символика (ср. Агапкина 2019: 76–113).

Несравненно более объемны, содержательны и значительны в культурном отношении образы лиственных деревьев, которым посвящен выпуск 6 тома *Растения (Drzewa liściaste)*. Он включает обобщающую статью *Дерево* (авторы М. Марчевска и К. Пророк), в которой, помимо свойств, релевантных для категоризации любого дерева (мировая вертикаль, соединяющая верхний, средний и нижний миры, место пребывания сакральных персонажей божественной и демонической природы, объект почитания, жертвоприношений и молитв, антропоморфизм дерева, наличие в нем души, параллелизм жизни дерева и жизни человека, почитание отдельных деревьев и рощ и т.п.), имеются параграфы, посвященные дереву как субстанции и материалу и предписаниям и запретам, касающимся рубки и практического использования деревьев и древесины. Основную часть книги составляют 17 статей, характеризующих отдельные виды деревьев, наиболее значимые в культурном отношении. К этим избранным видам относятся акация (*akacja*), береза (*brzoza*), бук (*buk*), дуб (*dąb*), граб (*grab*), рябина (*jarzębina*), явор (*jawor*), омела (*jemioła*), ясень (*jesion*), каштан (*kasztan*), клен (*klon*), липа (*lipa*), ольха (*olcha*), осина (*osika*), тополь (*topola*), вяз (*wiąz*), верба (*wierzba*). Сам по себе набор можно считать этноспецифичным – для каждой отдельной традиции он определяется как природными условиями и особенностями местной флоры, так и культурными предпочтениями. При этом стереотипы лиственных деревьев более индивидуализированы и функционально более нагружены, чем образы хвойных деревьев.

Как и в других выпусках, для создания этнолингвистических портретов лиственных деревьев в словаре использована обширная литература по этноботанике (основные источники приведены во вводной статье), а также выполненные в рамках подготовки словаря специальные магистерские

работы, посвященные деревьям, причем данные опубликованных источников дополняются в них полевыми записями люблинских этнолингвистов (Cieliszek 1999, Smyk 1995, Śpiewak 1979, Wawrzęta 1991). В приложении дается альбом фотографий лиственных деревьев, рассмотренных в книге.

Подробные дендрологические портреты польской народной традиции, представленные в люблинском словаре, могут быть спроецированы на общеславянскую картину, которая для некоторых видов деревьев реконструирована в книге Т. А. Агапкиной (2019). Сравним для примера польский и общеславянский портрет рябины (*Sorbus aucuparia*), занимающей в культурном дендрарии славян довольно маргинальное положение. Из очерка Т. А. Агапкиной становится ясно, что польский фольклорный образ рябины сочетает в себе как общеславянские черты (символика девичества и женской доли, часто горькой и печальной; лечебные свойства; запреты сажать рябину возле дома и вносить в дом; использование веток и ягод рябины как обрядового реквизита для украшения свадебного дерева, каравая, дожинального венка, участников обряда и оставленной на поле несжатой «бороды»; употребление ягод рябины в пищу и др.), так и черты, не представленные или слабо представленные в других славянских регионах (демонический характер дерева, его связь с нечистой силой, его греховность, ср. известный преимущественно в польском фольклоре балладный мотив о повесившемся на рябине Иуде и фитонимы типа *juda*, *judyna*, *judasz*). Особенно различны польский и севернорусский образ рябины; для последнего характерна культовая роль рябины, не известная в Польше, некоторые медицинские практики, слабо применяемые в польской культуре (например, популярные в России способы лечения зубной боли и заговоры от нее с обращением к рябине; пролезание сквозь ветки рябины с лечебной целью, использование веток рябины как апотропея и средства хозяйственной магии, средства защиты от грозы и т.п.). С другой стороны, для польского фольклора и поверий характерны некоторые специфические мотивы, такие как, например, связь рябины с птицами; прогностические функции рябины в приметах о погоде, урожае, времени сеяния хлебов и др.

С выходом в свет каждой новой книги люблинского этнолингвистического «Словаря народных стереотипов и символов» славистика получает тщательно собранный и препарированный в соответствии со специальной методикой материал по одной этнической традиции, в данном случае по польской народной ботанике, который обогащает общеславянский фонд сведений по славянской традиционной народной культуре и дает в руки исследователей новый подход и пионерскую методику этнолингвистической лексикографии, которая может быть с успехом применена для изучения других этнических традиций.

Рассмотренные здесь выпуски тома *Растения*, как и предыдущие, являются ценным вкладом не только в изучение польской и славянской

народной культуры, но и в развитие такой комплексной дисциплины, как этноботаника, привлекающей внимание лингвистов, этнографов и биологов всего мира². Они дают также богатый материал для собственно лингвистических исследований славянской фитонимии, поскольку содержат богатый диалектный корпус названий растений и относящихся к ним этнографических и фольклорных контекстов.

Литература

- Агапкина Т.А., 2019, *Дерева в славянской народной традиции. Очерки*, Москва: Индрик.
- Колосова В.Б., 2009, *Лексика и символика славянской народной ботаники*, Москва: Индрик.
- Толстая С.М., (рец.), 1997, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 1, “Живая старина”, № 4, с. 52–53.
- Толстая С.М. (рец.), 2000, *Словарь народных стереотипов и символов*, т. 1: *Космос*, ч. 2, “Живая старина”, № 2, с. 58–59.
- Толстая С.М., (рец.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, t. 1: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, “Славяноведение”, № 6, с. 104–109.
- Толстая С.М., (рец.), 2018, *Символика растений в польской народной традиции. Злаки*, “Rocznik Slawistyczny”, t. 67, s. 189–195.
- Толстая С.М. (рец.), 2020, *Новый выпуск «Словаря народных стереотипов и символов»* [рец. на: *Sownik stereotypw i symboli ludowych*, Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, t. 2: *Rośliny*, cz. 3: *Kwiaty*. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019. – 295 s.], “Rocznik Slawistyczny”, t. 69, s. 237–244.
- Acta Linguistica 2010 = “Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН”, т. 6, ч. 1: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова.
- Acta Linguistica 2017 = “Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН”, т. 13, ч. 2: *Этноботаника: растения в языке и культуре*, отв. ред. Н.Н. Казанский, сост. В.Б. Колосова.
- Bielak A., 2007, *Wybrane ziola w ludowym językowym obrazie świata*. Praca magisterska. Lublin: UMCS.
- Cieliszek A., 1999, *Ciągi definicyjne w polu semantycznym drzewo we współczesnym języku polskim*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.
- Myl B., 1999, *Ziola w ludowym językowym obrazie świata*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.

² Ср. петербургскую серию [Acta Linguistica 2010, 2017].

- Paćławska E., 2011, *Językowo-kulturowy obraz ziół w polskiej tradycji ludowej*. PhD thesis. Lublin: UMCS.
- Smyk K., 1995, *Drzewa i krzewy iglaste*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.
- SSSL = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński, t. 1. *Kosmos*, cz. 1: *Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie*, 1996; cz. 2: *Ziemia. Woda. Podziemie*, 1999; cz. 3: *Meteorologia*, 2012; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, 2012; t. 2. *Rośliny*, cz. 1: *Zboża*, 2017; cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, 2018; cz. 3: *Kwiaty*, 2019; cz. 4: *Ziola*; 2020; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, 2021, Lublin.
- Steckiewicz M., 1991, *Konotacja semantyczna nazw niektórych ziół w polszczyźnie ludowej*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.
- Śpiewak B., 1979, *Konotacja semantyczna nazw drzew w języku folkloru*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.
- Tołstojowa S., 1998, *Słownik ludowych stereotypów i symboli – pomysł i jego realizacja*, „Literatura ludowa”, rocz. 42, nr 6 (listopad – grudzień), s. 55–59.
- Wawrzęta K., 1991, *Konotacja semantyczna wybranych nazw drzew liściastych w polszczyźnie ludowej*. Praca magisterska, Lublin: UMCS.

References

- Acta Linguistica 2010 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy RAN”, vol. 6, part 1: *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, eds. V.B. Kolosova, A.B. Ippolitova.
- Acta Linguistica 2017 = „Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy RAN”, vol. 13, part 2: *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture*, eds. N.N. Kazanskiy, V.B. Kolosova.
- Agapkina T.A., 2019, *Derev'ya v slavyanskoj narodnoy traditsii. Oчерki*, Moskva: Indrik.
- Bielak A., 2007, *Wybrane ziola w ludowym językowym obrazie świata*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- Cieliszek A., 1999, *Ciągi definicyjne w polu semantycznym drzewo we współczesnym języku polskim*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- Kolosova V.B., 2009, *Leksika i simvolika slavyanskoj narodnoy botaniki*, Moskva: Indrik.
- Myl B., 1999, *Ziola w ludowym językowym obrazie świata*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- Paćławska E., 2011, *Językowo-kulturowy obraz ziół w polskiej tradycji ludowej*. PhD thesis. Lublin: UMCS.
- Smyk K., 1995, *Drzewa i krzewy iglaste*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- SSSL = *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński, t. 1. *Kosmos*, cz. 1: *Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie*, 1996; cz. 2: *Ziemia. Woda. Podziemie*, 1999; cz. 3: *Meteorologia*, 2012; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, 2012; t. 2. *Rośliny*, cz. 1: *Zboża*, 2017; cz. 2: *Warzywa. Przyprawy. Rośliny przemysłowe*, 2018; cz. 3: *Kwiaty*, 2019; cz. 4: *Ziola*; 2020; cz. 5: *Drzewa owocowe i iglaste*, 2020; cz. 6: *Drzewa liściaste*, 2021, Lublin.

- Steckiewicz M., 1991, *Konotacja semantyczna nazw niektórych ziół w polszczyźnie ludowej*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- Śpiewak B., 1979, *Konotacja semantyczna nazw drzew w języku folkloru*. Master thesis, Lublin: UMCS.
- Tolstaya S.M., (rev.), 1997, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, vol. 1: *Kosmos*, part 1, „Zhivaya starina”, no. 4, pp. 52–53.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2000, *Slovar' narodnykh stereotipov i simvolov*, vol. 1: *Kosmos*, part 2, „Zhivaya starina”, no. 2, pp. 58–59.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2014, *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński; zastępca redaktora: S. Niebrzegowska-Bartmińska, Lublin, t. 1: *Kosmos*, cz. 3: *Meteorologia*, 521 s.; cz. 4: *Świat. Światło. Metale*, „Slavyanovedeniye”, no. 6, pp. 104–109.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2018, *Simvolika rasteniy v pol'skoy narodnoy traditsii. Zlaki*, „Rocznik Slawistyczny”, vol. 67, pp. 189–195.
- Tolstaya S.M., (rev.), 2020, *Novyy vypusk «Slovara narodnykh stereotipov i simvolov»* [rev.: *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński, t. 2: *Rośliny*, cz. 3: *Kwiaty*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2019, 295 s.], „Rocznik Slawistyczny”, vol. 69, pp. 237–244.
- Tołstojowa S., 1998, *Słownik ludowych stereotypów i symboli – pomysł i jego realizacja*, „Literatura ludowa”, vol. 42, no. 6 (november – december), pp. 55–59.
- Wawrzęta K., 1991, *Konotacja semantyczna wybranych nazw drzew liściastych w polszczyźnie ludowej*. Master thesis, Lublin: UMCS.

Summary

The next issues of the “Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols”

The next three issues of the second volume “Plants” of the “Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols”, published in Lublin under the editorship of prof. E. Bartmiński, are devoted to the topics “Herbs”, “Fruit and coniferous trees”, “Deciduous trees”. Like the previous issues, they are a valuable contribution to the study of Polish and Slavic folk culture, as well as to the development of such a complex discipline as ethnobotany. They also provide rich material for linguistic studies of Polish and Slavic phytonyms, since they contain a rich dialect corpus of plant names and related ethnographic and folklore contexts. But the important thing is that the Lublin dictionary gives researchers a new method of ethnolinguistic lexicography, which can be successfully applied to the study of other Slavic and non-Slavic languages and cultural traditions.

Keywords: Polish folk culture, cultural stereotypes, ethnolinguistics, ethnobotany, semantics, lexicography, symbolism, herbs, trees.